

Собеседник. — 1997. — № 12. — С. 10

В академии Глазунова есть роскошный, украшенный зеркалами лифт, двери которого на самом верхнем этаже расположены почти напротив ректорского кабинета. «Поговорим в моих апартаментах. Вы езжайте, а я пешком», — сказал Глазунов нам с фотографом и резво побегал в сторону лестницы. «Он на лифте никогда не ездит, — зашушукались набившиеся в огромную кабину студенты. — Это, говорит, для здоровья вредно». Когда же мы поднялись вверх, Глазунов как ни в чем не бывало сидел за столом в своем кабинете и ждал наших вопросов.

— Вы активно ратуете за возрождение в России Императорской художественной академии. Но ведь вы прекрасно знаете, что Императорская академия придерживалась так называемой болонской школы, то есть насаждала в российском искусстве иноземные культурные ценности. Получается, что Глазунов, по сути, выступает за иностранщину в отечественной культуре?

— Я не ратую за возрождение Императорской академии, а добиваюсь этого делом. В свое время подобные академии были созданы по всей Европе, в том числе и у нас. Их основатели хотели сохранить опыт великих мастеров древности. В Российской Императорской академии иностранщина преобладала только при Петре

Первом. Да, в свое время Императорская академия пережила бунт художников-передвижников под предводительством Крамского, которые демонстративно вышли из нее, требуя повернуть отечественное искусство лицом к России. Академия была к тому времени абсолютно русской, а эти бунтовщики были просто растленные идеями либерального масонства. Вот, например, знаменитые «Бурлаки на Волге». Если вдуматься, абсолютно лживая картина. Вы почитайте Гиляровского, у него написано, что бурлак, прошедший с бечевой по Волге, в Астрахани покупал себе дом и мог потом спокойно очень долгое время кормить семью из десяти человек. Так что эти бунтари были во многом не правы. А то, что происходит в современном творчестве, ужасно. Вот говорят современным художникам: самовыражайтесь! Ну они и рисуют один глаз на портрете синий, другой желтый, а если, скажем, какое-нибудь

юное создание изобразит свою маму с носиком на попчике, так его вообще сразу объявляют гением. И так во всем мире. Мы же хотим такой подход к живописи изменить, но на восстановление Императорской академии нужны большие деньги, а у нас их нет.

— А на какие деньги существует академия живописи?

— Мы еде-еле сводим концы с концами. Нас финансирует Министерство культуры, которое недавно сократило финансирование академии еще на 70 процентов! У нас отличники получают стипендию в 150 тысяч рублей.

— Сколько получаете вы?

— Один метр холста, то есть полтора миллиона рублей. Преподаватели получают 800 тысяч. Нам все говорят: берите с учеников деньги. Но ведь если мы будем брать деньги за обучение, тогда нам придется принимать в академию детей мошенников. Кто может сейчас легко дать деньги? «Новые русские», у какого-нибудь общества педерастов полно денег, общество пьяных может дать, организация по растлению маленьких детей, наверное, очень богата. А юное поколение у нас действительно растлеваются! Посмотрите, что показывают по телевизору! Юные барышни с покрашенными губками поют:

«I love you too much!», а родители их смотрят и замирают от радости, предвкушая, что их девочки попадут в публичные дома где-нибудь в Сан-Франциско. Вот у этих детишек тогда будут деньги, а у талантливых ребят их нет. Нам, повторяю, никто не помогает, хотя, например, Борис Николаевич лично обещал. В академию приезжал и Черномырдин. Посмотрел картины пятикурсников, двадцатидвулетних ребят, и говорит: «Я все понял, это вы привезли картины из Третьяковки!», а мы ему отвечаем: «Нет, это наши дипломники так рисуют!», он тогда нам сказал: «Работайте дальше!» А как работать? Если б у каждого из нас не было каких-нибудь частных заказов, все сотрудники академии давно бы загнулись. Властям на нас наплевать. Вы видите, я вам откровенно отвечаю на вопросы. Спросите меня про что угодно, например, изнасиловал ли я старушку Машу в Верхоянске. Я вам отвечу: старушку я не насиловал, а в Верхоянске никогда не был.

— Ваш сын стал известным художником. Легко, наверное, добиться успеха, имея такого папу?

— Он сам выбрал этот путь. И ему, поверьте, всегда было и будет труднее остальных. Мои враги всегда вымещали злобу и на нем. К тому же, еще когда он только учился на художника, попадало ему от меня больше всех. Чужому-то я не могу в глаз дать, а своему — запросто.

— У вас у самого очень интересные

предки. Среди них были и царские генералы, и учителя будущих императоров. При советской власти люди с подобным происхождением обычно заканчивали свою жизнь в лагерях либо загонялись в подполье. Вы каким-то образом всех этих напастей успешно избежали.

— У меня тоже были неприятности, связанные с моим происхождением. На втором курсе Ленинградской художественной академии, где я учился, меня собирались отчислить, но тут как раз помер Сталин, и я остался. К тому же за меня вступились мои преподаватели. Зато после первой выставки я вдоволь наслушался разговоров о том, что меня надо было уничтожить, ибо я не помогаю делу строительства коммунизма. Меня 15 лет не принимали в советский Союз художников, а полгода назад не приняли и в Союз художников России. Не достоин. А когда началась перестройка и меня уже нельзя было ругать за религиозный мистицизм и любовь к царям, мои гонители придумали но-

— Ну почему у нас считается, что рисовать портрет генсека, по его же просьбе, это значит лизнуть власти зад?!

вое обвинение — Глазунов делает халтуру! Даже ваша газета присоединилась к общему хору и написала, что я не художник. Теперь вот еще приписывают мне национализм, шовинизм. Это же травля!

— В своей книге «Россия распятая» вы публикуете записки известного белого генерала Григорьева, который допускает порой откровенные антисемитские высказывания. Например, генерал пишет, что в голодающем Петербурге евреи были единственными, кто ни в чем не нуждался.

— А я не считаю это проявлением антисемитизма. Извините, но если кого-нибудь расстрелял комиссар-еврей и я напишу об этом, то это будет проявлением антисемитизма? Если кого-то убил французский жандарм и я упомяну про это в своей книге, меня, следуя такой логике, можно будет обвинить в антифранцузских настроениях. Записки генерала Григорьева — это просто историческая справка, свидетельство очевидца...

Что творится с нашей культурой! Вы видели в последнее время хоть одну передачу, скажем, о Рахманинове? Не видели! Зато все наше телевидение всю крутит Майкла Джексона. Понимаете, мне безразлично, отвалился ли у него нос, и уж тем более я не считаю его приезд в Москву важным культурным событием. Да пусть к нам придет хоть сто перекрашенных негров, зачем о них вздохнуть рассказывать во всех газетах, показывать по всем программам? Даже на художественных выставках уже никто, кроме меня и моих коллег по академии, не выставляет исторические картины. За это нас пытаются уничтожить. А сделать это лучше всего при помощи клеветы... Тех, кто за Россию, сейчас травят. А я за Россию, я монархист.

— Вы прожили всю жизнь при советской власти, как же это вы стали монархистом?

— Я родился в 1930 году в Санкт-Петербурге, где в то время еще были живы старые традиции дореволюционной России. Конечно, если бы я вырос где-нибудь в тайге, читал только журнал «Юность» и слушал наше дебильное радио, я бы наверняка стал обычным членом советского общества... Да, мне нравится идея монархии.

— Но вы же знаете, что монархия довела в свое время нашу страну до двух революций и одного переворота.

— Вот тут вы ошибаетесь. До всех этих кошмаров Россию довела могучая масонская пропаганда, исходившая с Запада. Вы прекрасно знаете, что деньги на русскую революцию Володьке Лысому давал немецкий генеральный штаб.

— А вам не кажется, что, если бы простым людям в России жилось хорошо, никакие масоны и лысье володьки не смогли бы разрушить такое государство?

— Люди в России до переворота жили настолько хорошо, что не могли даже подумать, что какая-то жалкая горстка отщепенцев сможет все изменить. Вот вы пришли сюда в куртке, повесили ее в раздевалке. Вы ведь не думаете, что я сейчас поручу кому-нибудь, пока вы здесь сидите, украсть из вашей куртки кошелек. Нет? Вот и русские люди не могли себе даже представить, что несколько революционеров так все испортят. А сегодня нас специально убеждают, что в России всегда было плохо. Не так это! Я

монархист и не боюсь говорить об этом. Все эти президенты, которых мы выбираем на какое-то время, такая глупость. Вот, скажем, вы, Дима, приведете домой на пару дней даму и скажете: «Она у меня будет эти два дня женой, мы на это время расписываемся, а потом разбежимся!» Все же смеяться будут. Но почему-то с главной государственной задачей проделываем. Все это не русское, чужое. Русский язык исчезает! Вот, например, диктор говорит: «Борис Ельцин». Но ведь это американизм. У нас всегда называли отчество.

— Но монархические убеждения не мешали вам в свое время нарисовать одухотворенный лик Брежнева.

— Ну почему у нас считается, что нарисовать портрет генсека, по его же просьбе, это значит лизнуть власти зад?! Лучшие художники всех времен и народов были друзьями королей, а я никогда не был другом властей предержавших. Просто как-то раз меня пригласила Индира Ганди, меня целый год не выпускали в Индию, а потом я нарисовал ее портрет за двенадцать дней. Вскоре Леонид Ильич, вместе с Громыко вручавший портрет Ганди, сказал историческую фразу (пародирует Брежнева): «А почему меня Глазунов еще не нарисовал? У меня ведь скоро семидесятилетие!». И я написал — на фоне Кремля, без орденов. За этот портрет ваш покорный слуга не получил ни копейки. Чаю с бровастым я тоже не пил. Честно говоря, я рад, что нарисовал портреты Брежнева, Ельцина. Я бы с удовольствием нарисовал портрет, скажем, Сталина или Гитлера, Маркса. Для художника интересен каждый человек.

— Ходят слухи, что года два назад к вам с подобной просьбой обращался даже Джохар Дудаев.

— Первый раз слышу об этом. Но я бы с удовольствием взялся за эту работу — Дудаев был очень яркой фигурой. Нарисовать портрет — это значит сказать о человеке правду. Да, про меня много ходит разных слухов, меня многие терпеть не могут. А знаете почему? Я очень люблю Россию и, как это ни невероятно звучит, ни одного злого дела в жизни не сделал. Я и в суды на своих злопыхателей-журналистов не подаю. Зачем? А если меня алкоголик или бомж на улице судой обзовет, мне тоже прикажет судиться? Тогда у меня просто не будет времени на мою работу.

— Ваши картины полны трагизма. Почему?

— Россия никогда не переживала более трагического времени, чем сейчас. На наших глазах произошел разгром великой державы. Чему уж тут радоваться? Мне больно за страну. Но здесь есть еще и личностный аспект. Я — самый одинокий человек, которого вы когда-либо видели.

— Помимо трагизма в ваших картинах много скрытых символов. К тому же они очень велики по объему. Ктонибудь помогал вам, когда вы рисовали, скажем, «XX век»?

— У Рубенса было 14 помощников, об этом все знают. Мне тоже помогают иногда помощники, орнаменты прорисовывают, но не более того.

— Существует тезис о том, что художник — профессия тщеславная. Вы с этим согласны?

— Все профессии тщеславны. Нужно только отличать дешевое тщеславие от мании величия, которой я не страдаю.

— Ваш прадед, известный географ и исследователь Константин Арсеньев, был учителем императора Александра II. Если бы вы стали преподавателем нынешнего правителя России, что бы вы заставили его выучить?

— Заставил бы выучить все 10 статей Столыпина в Госдуме. Петру Аркадьевичу принадлежат великие слова: «Чтобы иметь право управлять государством, надо иметь политическую зрелость и гражданскую волю». Эти слова нельзя отнести ни к кому из нынешних правителей.

— В своих выступлениях и интервью вы очень часто упоминаете Церетели. Как вы считаете, почему именно Зураб Константинович удостоился чести стать придворным художником?

— Всеми своими успехами господин Церетели обязан поддержке Юрия Михайловича Лужкова. На эту тему я больше ничего не скажу. No comments, как говорят наши хозяева американцы.

— Однажды вы сказали, что творчество ждет от художника ответов на три вопроса: что он хочет сказать миру, что у него за душой, что он мечтает принести людям? Как бы вы на них ответили?

— Я всегда хотел выразить правду жизни с точки зрения самосознания русского народа. И еще, по поводу якобы присутствующего мне национализма я хочу добавить. Для меня неважно, какой национальности человек. Если он любит Россию — он русский. Дмитрий ВЛАДИМИРОВ.

ИЛЬЯ ГЛАЗУНОВ:

**МАНИМЕЙ
ВЕЛИЧИЯ
НЕ СТРАДАЮ**